

(Германия), Дж. Стейкал (США). Также отмечалось, что основными составляющими процесса перевода являются исполнитель, процесс исполнения, результат деятельности. Следовательно, для объективной и всесторонней оценки перевода необходимо учитывать эти три составляющие. Для каждой из них предлагаются свои критерии.

Секция 6. Качество перевода при проведении конференций

Руководила этой секцией Нике Покорн, профессор, зав. отделением устного и письменного перевода Университета г. Любляны, Словения. Вопросы, обсуждавшиеся на секции, касались работы переводчиков конференций. Отмечались объективные трудности переводческой деятельности на конференциях, возможности предотвращения помех при работе переводчиков, модели постоянного улучшения качества перевода во время проведения конференций. Выступавшие говорили о необходимости учитывать коммуникативную цель перевода, которая определяет его рыночную стоимость.

Работа международной конференции завершилась «круглым столом». Участники форума подвели итоги работы секций, отметили неоспоримую важность проведения подобных мероприятий. Особый интерес вызвали доклады руководителей секций по организации конференций ООН Владимира Грачева, Грэхама Хоббса, Марианны Гено-Ховнаниан, Мари-Жозе де Сант-Роберт и некоторых других.

Командировка оказалась очень плодотворной. Делегация ЮФУ поделилась проблемами подготовки специалистов по межкультурной коммуникации, существующими на переводческом отделении ПИ ЮФУ, приняла участие в прениях по вопросам качества перевода, а также познакомилась с руководителями ведущих переводческих школ Европы и Азии. В результате участия в форуме появились возможности для более тесного сотрудничества факультета лингвистики и словесности, переводческого отделения ЮФУ с зарубежными партнерами, включая участие в конференциях, обмен опытом, совместные академические проекты, методическое обучение преподавателей и стажировки студентов.

Е.С. Милькевич

ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ (г. Чикаго, США, декабрь 2007 г.)

В декабре 2007 г. в Чикаго (США) состоялась ежегодная конференция Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (American Association of Teachers of Slavic and Eastern European Languages, далее ААПСВЕЯ).

Главная задача настоящего обзора – ознакомить читателя с основными идеями, школами и тенденциями в современной западной славистике. Среди значительного количества (около 250) разнообразных по проблематике и направлениям докладов мы рассмотрим выступления, отражающие, по нашему мнению, общее состояние исследований в области славянского литературоведения и славянского языкознания.

Обзор состоит из двух частей: первая посвящена работе секций славяноязычного литературоведения, вторая – секций славяноязычной лингвистики.

1. Секции славянского литературоведения

В целом ряде докладов предметом исследования стал феномен **интертекстуальности** в русской литературе. Так, Натан Клаузнер рассмотрел эволюцию взглядов на поэтику Гомера в эстетике Толстого – от понимания Гомера как элитарного художника к осознанию мифологичности и религиозности гомеровской поэтики Толстым в поздний период творчества. Эмили Шоу (Университет Висконсин-Мэдисон), в свою очередь, интерпретировала «Воскресение» как попытку поэтически артикулировать в образе Нехлюдова шопенгауэровскую идею личности, путем отказа от личных желаний освободившейся от индивидуальной воли, – попытку неудавшуюся, что прочитывается из сюжета романа (в частности, несостоявшейся свадьбы Нехлюдова и Масловой).

Интертекстуальности в творчестве Достоевского были посвящены доклады Катрин Дуда (Университет Чикаго) и Нины Фамиллиант (университет Висконсин-Мэдисон). Катрин Дуда рассмотрела контраст в понимании этики как способа самоопределения у Достоевского в «Идиоте» и у Ярослава Гашека в «Похождениях бравого солдата Швейка»: если для Гашека маска идиота является собой жизненный принцип, этический императив, открывающий новые аспекты жизни, то для Достоевского этическая чистота предстает в обществе как безумие, и нравственно непорочный Мышкин, который отчаянно пытается доказать свою правоту, обречен на участь изгоя. Нина Фамиллиант, опираясь на работу Джозефа Франка «Dostoevsky: the Seeds of Revolt» (Princeton, New Jersey, 1976), исследовала преемственность религиозной и философской проблематики творчества Жорж Санд (в частности, малоизвестных и только недавно переведенных на русский романов «Спиридион» и «Лелия») в произведениях Достоевского (а именно в романе «Братья Карамазовы»).

Вопрос о роли творчества Байрона в поэтике Лермонтова стал предметом рассмотрения в докладе Дианы Коретски (Университет Бакнел). На основе теорий Гарольда Блума и Хиллиса Миллера ею проанализировано понимание Лермонтовым феномена байромании в стихотворениях «Нет, я не Байрон», «Смерть поэта» и в поэме «Демон», а также в рамках триады «автор – публика – моральная оценка» выявлены черты литературного вампиризма в творчестве Лермонтова.

Интересную параллель между поэтикой Чехова и Зощенко провела в своем докладе Мария Изабель Кизел (Северо-Восточный университет). Оба писателя, отметила исследовательница, создали карикатурный образ профана (полуобразованный водевильный писака у Чехова, представитель дореволюционного

искусства у Зоценко). По мнению докладчика, этот образ (у каждого из авторов свой, определяемый особенностями раннего творчества) явился попыткой неосознанного отрицания писателями самих себя в акте своеобразного поэтического экзорсизма.

Интересный анализ интертекстуального диалога «Абеляр – Руссо – Пушкин» представлен в докладе Миллы Федоровы (Университет Джорджтаун) «Любовник Юлии Вольмар». Исследовательница обратилась к уже обсуждавшемуся критиками вопросу об интертекстуальной природе романтического образа Юлии Вольмар, упомянутого в третьей главе «Евгения Онегина»: «Счастливой силою мечтанья / Одушевленные созданья, / Любовник Юлии Вольмар, / Малек-Адель и де Линар... / В одном Онегине слились». Верно определив текст-источник как метароман «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, Федорова указала на несоответствие в пушкинском романе-поэме тексту-источнику: в романе Руссо Вольмар – не любовник, а муж Юлии. Автор упомянула, но оставила в стороне позицию Набокова, который в комментарии к «Евгению Онегину» объяснял данное несоответствие неточностью Пушкина. В ряду ссылок на других романтических героев (Густав де Линар из романа «Валери» Юлии Крюденер, Малик Адель из романа «Матильда» Марии Коттен, Вертер из романа «Страдания юного Вертера» И.В. Гете) только образ из романа Руссо характеризуется неточностью. Эта неточность отражает диалогичность взаимоотношений «Евгения Онегина» и «Новой Элоизы», с одной стороны, и Пушкина и Руссо, с другой: пушкинская Юлия – Татьяна – не умирает от страданий, а преодолевает конфликт долга и чувства, тем самым отвергая его трагическую природу.

Ряд представленных исследований был связан с **анализом поэтики и сюжета**. Кэти Холт (Колумбийский университет) и Юлия Борисова (Северо-Восточный университет) рассмотрели специфику образов пустыни и движения в текстах Андрея Платонова «Такир», «Джан», «Чевенгур». По мнению К. Холт, смысл образа пустыни в поэтике Платонова динамичен и должен пониматься только в контексте конкретного произведения: система метафор в «Такире» и «Джане» делает проблемным прочтение образа как требующего изменений мира (каковое возможно в «Песчаной учительнице»). Юлия Борисова отметила, что понимание движения в творчестве Платонова претерпевает эволюцию – от надежды на изменение и прогресс (ранняя проза) к осознанию в «Чевенгуре» и «Джане» трагичности утраты почвы, корней для жизни людей, а также губительности идеологии движения-переселения как используемого государством инструмента манипулирования массовым сознанием (имеется в виду активно пропагандировавшаяся партией в 1930-х гг. идея переселения народов).

Катлин Сколлинз проанализировала природу образа Акакия Акакиевича в гоголевской «Шинели». В контексте поэтической традиции антропоморфизации букв алфавита, сформировавшейся в XVIII в. и возродившейся в 1820–1830 гг., образ Акакия, страсть которого к каллиграфии и буквам соседствует с безразличием к смыслу, предстает как буква алфавита, свободное означающее.

Любопытное исследование взаимосвязи структуры сюжета и смысла представлено в докладе Дарьи Солодковой (Принстонский университет). Творчество и переписка Пушкина 1830-х гг. позволили автору сделать вывод о том, что счастье для

поэта ассоциировалось с семейным благополучием; игра осознавалась как начало, разрушающее человеческие отношения. Карточная игра (и, впоследствии, провал Германа) предстает как неверный выбор стратегий, проявляющийся на разных этапах сюжета. Попав в дом графини, Герман сознательно отвергает инструкции Лизы войти в дверь налево и следует в дверь направо. За игорным столом у Чекалинского все три карты, поставленные Германом, также выпадают направо. Таким образом, жизнь Германа предстает одновременно в двух пространствах – психологическом и игровом, и неудача в одном оборачивается провалом и гибелью в другом. По мнению автора доклада, гибель Германа уже поэтически закодирована на ранних этапах сюжета посредством оппозиции «правое–левое»: отвергнув советы и чувства Лизы, Герман предопределяет собственную смерть.

В области **историографических** исследований русской литературы следует отметить доклад Честера Даннинга (Техасский университет) о роли царя Николая в правке и редакции «Бориса Годунова» Пушкина. Илья Винницкий (Университет Пенсильвании) обратился к анализу культурно-исторических корней концепта Персии в XX в. и роли прототипа (в частности, жизнь, переписка и загадочная смерть 30-летнего путешественника Ивана Викторовича Виткевича) в финальной части сюжета романа «Герой нашего времени», повествующей о гибели Печорина. Виктория Торстенссон (Университет Висконсин-Мэдисон) попыталась на объемном материале (переписка современников, рецензии в журналах) воссоздать восприятие романа Тургенева «Отцы и дети» читателями той эпохи и понять контраст между высокой художественной оценкой романа и резким неприятием образа Базарова молодыми нигилистами-современниками. Рад Брониславов (Университет Чикаго) исследовал специфику исторического анализа форм романа в русской литературе В. Шкловского на примере двух малоизвестных работ «Матвей Комаров – житель города Москвы» (1929) и «Чулков и Левшин» (1933). Вадим Школьников (Колумбийский университет) рассмотрел эволюцию проникнутых гегелевской эстетикой взглядов Герцена на сущность реализма и романтизма.

Хотелось бы отметить ряд междисциплинарных исследований на пересечении литературы и кино. Так, Анна Айдиньян (Йельский университет) представила анализ творческого метода Андрея Тарковского. Опираясь на отчетливо выраженную им позицию отрицания символизма в кино и учитывая очевидное влияние философии Бергсона на философию режиссера, автор поставила вопрос о формах непрямой, «вневременной» преемственности эстетики акмеизма в творчестве Тарковского. Роберт Эфирд (Технический университет Вирджинии) рассмотрел поэтику фильма Александра Сокурова «Русский ковчег» (2002), ставшего одной из самых ярких работ в российском кинематографе¹ как мини-

¹ Поэтика и проблематика постсоветского кинематографа – одна из постоянных тем конференции и «Славянского и восточно-европейского журнала» (Slavic and East European Journal), издаваемого ААПСВЕЯ. В связи с этим стоит отметить выпуск специального сборника, посвященного исключительно анализу постсоветского кинематографа (Recent Reassess, and Reinvent: The three R's of Post-Soviet Cinema. Slavic and East European Journal. Vol. 51(2), Summer 2007).

мум за последнее десятилетие. Голос за кадром, ведущий диалог на протяжении этого непрерывного фильма-кадра длиной 86 минут и выступающий как своего рода интеллектуальный медиатор между зрителем и тканью фильма, представляет собой несомненное новаторство.

2. Секции славянского языкознания

В ряде докладов был представлен анализ значения и функции грамматических форм. Джеймс Левайн (Университет Бакнелл) рассмотрел специфику падежных свойств в русском языке. Выбор номинатива или аккузатива определяется аргументной структурой предложения. Если аргумент независим (т.е. доминируется только корневым фразовым маркером S), то он получает свойства номинатива.

Если аргумент доминируется глагольной фразой, то ему предписываются параметры аккузатива, как, например, в *Меня ослепило молнией*.

Особенности семантики и синтаксиса экспрессивных суффиксов (*столик*, *игруля* и т.п.) в русском языке исследованы в докладе Ольги Стериополо (Университет Бритиш Колумбия, Канада). Специфика присоединения суффиксов и грамматические функции (например, изменение категории в *играть* – *игруля*, *нейтральность* в *стол* – *столик*) указывают на принадлежность категории экспрессивности не к языковым принципам, а к параметрам².

Группа ученых из Университета Питтсбурга представила коллективное исследование семантической функции дистантного «связывания» (*long-distance binding*) рефлексивных местоимений типа *себя* и *себе* в двусоставных инфинитивных предложениях типа *Мать велела дочери налить себе чаю*. Оскар Сван указал на некоторую искусственность подобного рода примеров в теоретической литературе и на снижение тенденции их использования в речи, а Аннализа Чечулин отметила двойственность функции (по данным опросов, местоимение может указывать как на субъект, так и на объект действия) и обратила внимание на переходность процесса с преобладанием функции указания на объект (*Мать, велела дочери налить себе, чаю*).

Школа формального семантического анализа языковых единиц была представлена докладом Ольги Каган (Университет иврита в Иерусалиме), посвя-

² Теория принципов и параметров (*Principles and Parameters*) была разработана в трудах Н. Хомского, Х. Ласника и представляет собой один из краеугольных камней современной западной лингвистической школы. Согласно данной теории, все языки имеют общую универсальную базу принципов (*universal grammar*) – набор характеристик, составляющих сущность человеческого языка как феномена в целом. В свою очередь, языки отличаются друг от друга совокупностью параметров – набором характеристик, составляющих особенности конкретного языка. В данном случае, утверждая, что морфосинтаксис экспрессивности не является универсальной категорией, автор тем самым приходит к выводу, что о морфосинтаксическом способе выражения экспрессивности можно говорить только как о параметре того или иного языка (в частности, русского), в то время как экспрессивность составляет языковой принцип и относится к универсалиям.

ценным вопросу идентифицируемости с точки зрения говорящего (*speaker identifiability*) в русском языке. Используя положения и формальный язык теории множеств (*set theory*) и лямбда-исчисления (*lambda calculus*), докладчик представил условия определяемости (известности референта для говорящего) и неопределяемости (неизвестности референта для говорящего):

1) именная фраза (NP) является определяемой для говорящего, если существует такой объект, который является референтом для данной именной фразы во всех возможных мирах индивидуального контекстного множества говорящего;

2) именная фраза является неопределяемой для говорящего, если говорящий не стремится определить референт для фразы или стремится, но по ряду причин не может этого сделать.

Исследования по морфонологии нашли отражение в докладе Мириам Шрегер (Университет Индианы) о механизме ударения и его зависимости от фразовой демаркации и смысловой значимости морфем в рамках теории оптимальности³.

Семантические механизмы синонимизации в контексте (на примере текстов А. Чехова) были рассмотрены в рамках семантической теории Дж. Катца и Дж. Фодора и Ю.Д. Апресяна в докладе Максима Петренко (Университет Пурдью) и Елены Гришаниной (Таганрогский государственный педагогический институт). Авторы отмечают, что контекстуальная синонимия предполагает синтаксическую редупликацию (введение дополнительного компонента в состав уже сформированного конституента) и требует выполнения двух условий: (1) наличие у нового компонента общих или образованных по определенным правилам сем (ср. *страстное, еретическое* желание в «Цветах запоздалых»; *магп* (страстный) → *еретический*); (2) нарушение новым компонентом селекционных ограничений главного компонента (ср. *страстное, еретическое* <сущ. религ.> желание <прил. степень/длительность>).

Ряд докладов был посвящен вопросам исторического развития языка. Мэтью Берман (Университет Суррей, Великобритания) исследовал историю класса дефектных глаголов II спряжения и указал на два источника данного класса – церковнославянские тексты (*бдѣть*) и субстандартная лексика (*лямзитѣ*). Лильяна Проговач (Университет Уэйн) рассмотрела эволюцию глагольно-именных форм в сербском языке (*ispi-čutura* «пустой-бутылка», *пьяница*; *Budi-mir* «будь-мир» (личное имя) и др.) и указала на архаичность данных форм. Наталья Богданова (Санкт-Петербургский государственный университет) представила исследова-

³ Теория оптимальности (*Optimality Theory*, или OT) была представлена в 1990-х гг. в работах А. Принса и П. Смоленского. Основным постулатом теории является тезис о том, что порождение языковых единиц представляет собой результат отбора форм в соответствии с ограничителями (*constraints*), которые, в свою очередь, варьируются от языка к языку и имеют разную степень облигаторности в разных языках. Число потенциальных форм-кандидатов практически безгранично и универсально, в то время как совокупность ограничителей, их иерархия и статус определяют фонетическую систему конкретного языка.

ние синхронных способов супраморфемных модификаций слов в русском языке (ср. *Здравст[вуйт]е, се[го]дня, пра[ви]льно, следу[ю]щий, ка[ж]ется* и др.).

Конференции масштаба ААПСВЕЯ-2007 всегда становятся значительным событием в западной научной жизни как в академическом, так и в интеллектуальном планах: кроме секций докладов, организуется сессия презентаций постеров для студентов; конференция также дает возможность молодым выпускникам, ищущим работу, встретиться с представителями университетов для интервью, обсудить перспективы совместной работы и сотрудничества.

Автор искренне надеется, что настоящий обзор современных теорий и исследований в западной славянской филологии и языкознании, во-первых, станет регулярным явлением в отечественной науке, а во-вторых, создаст среди работающих за рубежом русскоязычных исследователей своего рода традицию *bon ton* информировать российских коллег о состоянии западной гуманитаристики.

М.С. Петренко